

М.В. Сапрыкина
M.V. Saprykina

**ПОЭТИКА И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ЖАНРОВЫХ МОТИВОВ
«ПОСЛЕДНЕГО СТИХОТВОРЕНИЯ» В ТВОРЧЕСТВЕ
Б.А. СЛУЦКОГО. СТАТЬЯ ПЕРВАЯ**

**POETICS AND FUNCTIONING OF THE SPECIAL GENRE MOTIFS
OF "THE LAST POEM" IN THE WORK OF B. SLUTSKY.
THE FIRST ARTICLE**

В начале XXI века внимание исследователей обратил на себя феномен «последнего стихотворения». Сегодня можно говорить о нескольких подходах к изучению данного литературного явления. Во-первых, исследователей интересуют поэтические тексты, которые являются последними в творческой биографии стихотворца, во-вторых, тексты, написанные в жанре «последнего стихотворения», в-третьих, поэтические тексты, которые одновременно являются «последними» и фактически, и сущностно. Одним из первых отечественных ученых, заявивших о последних стихотворениях как об особых текстах, был профессор Ю.В. Казарин. В своей антологии-монографии «Последнее стихотворение 100 русских поэтов XVIII–XX вв.» ученый не только привел тексты последних стихотворений отечественных авторов, но и представил составленные им парадигмы последних стихотворений. При выборе соответствующих поэтических текстов в данной статье мы опираемся на вышеупомянутую антологию. Последние стихотворные тексты Б.А. Слуцкого датированы 1977 годом. Этот год становится особенно трагическим для поэта – уходит из жизни его жена, Татьяна Дашиковская. Глубоко переживая эту потерю, за короткое время Слуцкий пишет несколько сотен стихотворений. Некоторые из них – не просто последние тексты классика, написанные перед его тяжелой депрессией и девятилетним творческим «молчанием», но они обладают жанровыми признаками «последнего стихотворения». В статье, опираясь на жанрологический подход к феномену «последнего стихотворения», предложенный профессором Б.П. Иванюком, мы предпринимаем попытку на материале стихотворения Слуцкого «Кучка праха, горстка пепла...» (1977) выявить жанровые мотивы «последнего стихотворения» и проанализировать их функционирование в контексте поэтики смерти.

Ключевые слова: Борис Слуцкий, «последнее стихотворение», жанр, мортальная рефлексия.

At the beginning of the XXI century, the phenomenon of "the last poem" attracted the attention of scientists. Today we can talk about several approaches to the study of this literary phenomenon. Firstly, researchers are interested in the poetic texts that are the last in the creative biography of the poet, secondly, the texts written in the genre of "the last poem", thirdly, the poetic texts that are both

"the last" actually and essentially. One of the first Russian scientists to declare the latest poems as special texts was Professor Yu. Kazarin. In his anthology monograph "The Last poem of 100 Russian poets of the XVIII–XX centuries", the scientist not only cited the texts of the latest poems by Russian authors, but also presented the paradigms of the latest poems compiled by him. And we rely on the above-mentioned anthology when choosing the appropriate poetic texts in this article. The last poetic texts of Boris Slutsky are dated 1977. This year is becoming especially tragic for the poet – his wife, Tatyana Dashkovskaya, passes away. Deeply experiencing this loss, Slutsky wrote several hundred poems in a short time. Some of them are not just the last texts of the classic, written before his severe depression and nine years of creative "silence", but they have the genre characteristics of "the last poem". In the article, based on the genre approach to the phenomenon of "the last poem", proposed by Professor B. Ivanyuk, we attempt to identify the genre motifs of "the last poem" based on the material of Slutsky's poem "A pile of dust, a handful of ashes..." (1977) and analyze their functioning in the context of the poetics of death.

Key words: Boris Slutsky, "the last poem", genre, mortal reflection.

DOI: 10.24888/2079-2638-2024-60-1-55-61

В мировой поэзии практикуются особые тексты – последние/«последние» стихотворения, в которых исследователи выявили «структурно-смысловую и функционально-тематическую однотипность» [10, 18–19].

В настоящее время можно говорить о нескольких научных подходах к различению этого вариативного феномена. Во-первых, произведения, последние в творческой биографии поэтов, во-вторых, тексты, написанные в жанре «последнего стихотворения», в-третьих, тексты, которые одновременно являются «последними» и фактически, и сущностно.

Остановимся на этих подходах и кратко опишем тот поэтический материал, который соответствует критериям последнего/«последнего» стихотворения.

Хронологически последнее стихотворение очевидным образом является абсолютной неизбежностью для любого автора и предсказуемо обусловлено фактом его смерти. Оно может быть создано либо накануне кончины (например, стихотворение В.С. Высоцкого «Спасибо, друг, что посетил...»), написанное 23 июля 1980 года, за 2 дня до смерти), либо незадолго до нее (к примеру, «Август» И.А. Бродского, датированное январем 1996 года, т.е. за несколько дней до смерти в ночь с 27 на 28 января 1996 года), либо задолго до смерти («Сколько лет тебе, скажи, Психея?» М.А. Кузмина, датированное 11 января 1930 года, за 6 лет до смерти поэта в марте 1936 года). Таким образом, если последнее стихотворение не содержит характерные жанровые признаки «последнего стихотворения», оно претендует на внежанровое понятие и буквально означает последний творческий акт поэта.

Следующий подход к осмыслению исследуемого явления – жанрологический, и в этом плане «последнее стихотворение» – лирический жанр, который хотя и «не входит в жанровый кодификатор поэзии, однако определенные и устойчивые признаки дают основания для включения его в лирическую жанровую систему мортальной поэзии наряду с эпитафией, реквиемом, мартирологом» [7, 4]. Атрибутивным признаком «последнего стихотворения», обеспечивающим ему относительную содержательную стабильность при всей его жанровой свободе и отсутствии композиционных, строфических, метрических и пр. ограничений, является мотив прощания с жизнью/предчувствия смерти [7]. В качестве факультативных признаков «последнего стихотворения» выделяют авторскую номинацию произведения (например, «Предсмертная песнь» или «Последние стихотворения»), а также

«обращение к реальному, абстрактному или персонифицированному субъекту, в частности, к Смерти, <...> обращение к музе, возлюбленной, родине» [7, 5] и т.д. Иными словами, жанр «последнее стихотворение» может не являться последним прижизненным текстом автора, но в тематическом плане содержать мотив предчувствия смерти и соответствующий ему мотив жизненного итога, в поэтологическом плане – обладать жанровым стилем, присущим мортальной поэзии. Данный подход и его принципиальное отличие от других О.В. Зырянов иллюстрирует текстами А.С. Пушкина: так, последнее его стихотворение – заключительная строфа в коллективном «Каноне в честь М.И. Глинки», но в общественном сознании последним/итоговым произведением поэта воспринимается знаменитое «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...» [6, 8].

Хронологически последнее стихотворение может либо обнаруживать определенные жанровые признаки, которые мы обозначили выше, либо нет. Тексты, которые являются «последними» и хронологически, и сущностно представляют отдельный интерес. Так, к примеру, стихотворение-валета С.А. Есенина «До свиданья, друг мой, до свиданья...», написанное поэтом 27 декабря 1925 года, за день до своей смерти, является одновременно и последним текстом Есенина, и жанровым образчиком «последнего стихотворения» со свойственным ему мотивом предчувствия смерти. О.В. Зырянов, подчеркивая сложность в понимании данного литературного феномена, полагает, что именно такой поэтический материал «раскрывает в чистом виде саму феноменологию ПС (здесь и далее: последнее стихотворение. – М.С.) в русской поэтической традиции» [6, 9].

Найти формально последнее стихотворение (т.е. последний прижизненный текст) в творчестве Б.А. Слуцкого непросто²⁷ по ряду причин²⁸. В данной статье на материале текстов, выделенных Ю.В. Казариным как «поэтическая парадигма последнего стихотворения»²⁹ поэта, мы попробуем найти тексты, которые являются последними не

²⁷ О сложностях в определении последнего рукописного стихотворения мы писали ранее [11; 12].

²⁸ Во-первых, как свидетельствуют П.З. Горелик и Н.Л. Елисеев, «Слуцкий редко, почти никогда не ставил дат под своими стихами. Он недаром называл себя "учеником Маяковского", писавшего: "запоминать: такое-то стихотворение написано в Павловске у фонтанов, считаю нелепым"» [5, 368]. Во-вторых, среди прочих причин можно назвать необычайно богатое поэтическое наследие Слуцкого, которое исчисляется несколькими тысячами стихотворений. Каждый день поэт писал по меньшей мере по стихотворению. Илья Фаликов замечал: «Слуцкий подкинул нам задачку. Апологет счеता, всем остальным он оставил наследие, не поддающееся подсчету. 1000 названий посмертного трехтомника и 2000, что ли, ненапечатанных в архиве – не предел» [15]. По воспоминаниям Юрия Болдырева, литературного секретаря и публикатора поэта: «Поэтическое наследие Слуцкого – это 4000 стихотворений, то есть 8–9 томов, из которых при его жизни была опубликована лишь четверть. Эта цифра настолько огорошивает, что люди, знакомые с поэтическим трудом, часто переспрашивают: "4000 строк?" – "Нет, стихотворений!"» [16]. В-третьих, Слуцкий остается неизученным и «непрочитанным» автором: несмотря на обширную часть его наследия, архивные тексты продолжают обнаруживаться. Так, в 2017 в «Иерусалимском журнале» были опубликованы ранее не вышедшие в печать «Стихи из тетрадей» Слуцкого [2; 5]. А в 2019 году почитатель его поэзии, актер и бард Андрей Крамаренко дал интервью «Комсомольской правде», в котором сообщил, что найден утерянный архив поэта [9].

²⁹ В своем фундаментальном труде [10] Ю.В. Казарин не только привел тексты последних стихотворений 100 русских поэтов XVIII–XX вв., но составил на их основе парадигмы-антологии (идеографическое описание совокупности текстов поэтической личности/поэтических личностей; это 100 блоков с входящим в состав каждого таких разделов, как экстралингвистические параметры (биография, поэтика, эстетика и т.д.), характеристика и доминанты языковой способности, парадигма текстов (вариантов и пр.) последнего стихотворения и др.), выявил типологические и дифференциальные особенности данных текстов и определил место и значение последнего стихотворения в контексте всего творчества того или иного поэта.

только формально, но – самое главное – и содержательно, иными словами – сочинения, которые имеют в себе жанровые признаки «последнего стихотворения».

Б.А. Слуцкий – среди тех поэтов, для которых интерес к смерти является их творческой доминантой. С годами он начинает больше писать о прощании с молодостью и о смерти [8, 386]. Однако, по всей видимости, интерес Слуцкого к этой теме является постоянным, атрибутивным свойством его поэтической личности и важным элементом его мироощущения, не обусловленного, но усиленного пережитой войной, трагедию которой он глубоко чувствовал³⁰, личными потрясениями и ударами судьбы.

Итак, по Ю.В. Казарину, парадигма последних текстов поэта состоит из нескольких стихотворений, написанных в 1977 году: «Кучка праха, горстка пепла...», «Страшно сохнет во рту...», «Сократились мои обязанности», «Вот какое намерение», «Можно обойтись и без меня...», «Отбиваюсь от мысли о смерти...», «Я знаю, что "далее – молчанье"...», «Господи, Федор Михалыч...» и последнее стихотворение «Читая параллельно много книг...».

Предваряя разговор об этих текстах следует сказать, что 1977 год – особый и трагический для Слуцкого: в феврале умерла жена поэта, что стало для него настоящим ударом. По воспоминаниям Юрия Болдырева, Слуцкий «три месяца работал как одержимый, выплескивая все новые и новые стихи» [16], привычным образом противостоя внутреннему разладу и тоске. Однако на этих стихах, как полагает Д. Сухарев, «поэт надорвался, стал стремительно терять работоспособность и здоровье» [14, 267]. За несколько месяцев было написано около двухсот стихотворений, а затем – «для него (для Слуцкого. – М.С.) наступили 9 лет депрессии, когда он не мог уже даже рифмовать» [16] – поэт замолкает вплоть до своей смерти в феврале 1986 года.

Как мы отмечали выше, одно из таких стихотворений, написанное в 1977 году, перед ожидающим поэта девятилетним молчанием, – «Кучка праха, горстка пепла...»:

1 Кучка праха, горстка пепла,
2 всыпанные в черепок.
3 Все оглохло и ослепло.
4 Обессилен, изнемог.

5 Непомерною расплатой
6 за какой-то малый грех –
7 свет погасший, мир разъятый,
8 заносающий душу снег [13, 392].

Стихотворение содержит обилие мортальной и связанной с этой областью человеческой рефлексии лексики (*прах, пепел, черепок, свет, мир, погасший, разъятый* и пр.). Слуцкий, с присущей ему прозаизацией поэтического языка, с некоторым даже его огрублением, чередует пафосную лексику (*непомерною расплатой, малый грех, мир разъятый*) с лексикой, лишенной патетики, что приводит к их ироническому сочетанию, к примеру, называя прах «*кучкой праха*», пепел «*горсткой пепла*», а

³⁰ Б.А. Слуцкий был фронтовиком и терял на войне товарищей. Ряд стихотворений поэта посвящен памяти его погибшего друга – поэта М.В. Кульчицкого.

погребальную урну «*черепком*»³¹. Данная лексика совмещает в себе, во-первых, эмоционально-модальный оттенок нежности по отношению к тому, что осталось от близкого человека, во-вторых, семантику некоторого удивления от *того немногого*, ничтожного, что остается от некогда живого, мыслящего существа после его смерти, в-третьих, в связке с причастием *всыпанные*, граничащим с разговорной лексикой и бытовизмом³², в духе поэтики Слуцкого с характерным для нее избеганием высокого слога и «поэтическим выражением неизъяснимого на основе здравого смысла, серьезного и трезвого взгляда», попыткой «осознать и назвать неназываемое в называемом, вечное – в смертном» [10, 513] упрощает некое сакральное, ритуальное содержание лексемы, означающей погребальную урну.

Приведенное восьмистишие демонстрирует и свойственные поэтике Слуцкого экономии языка и простой синтаксис: лексический лаконизм и отсутствие союзов в чередовании однородных членов (*кучка праха, горстка пепла; обессилен, изнемог; свет погасший, мир разъятый, заносающий душу снег*) подчеркивают внутреннее состояние лирического героя – говорить связно и со словесным избытком не позволяют обессиленность и опустошенность. Глубине этого тяжелого эмоционально-психологического состояния соответствует нагромождение префиксов (о-бес-силен, изне-мог), где первый усиливает второй. Суггестивное воздействие этого приема можно сравнить (конечно, с известной степенью условности) с фригийским оборотом в музыке (нисходящим ходом по ступеням звукоряда натурального минора), используемого в скорбных композициях.

Причинно-следственные связи состояния художественного двойника поэта, чрезвычайно близкого биографическому автору, обнаруживаются в первом катрене, где стихи 1-й и 2-й – причина, т.е. уход близкого человека, а 3-й и 4-й (равно как 7-й и 8-й) – следствие этой утраты – глубокая душевная рана.

Сближение лирического двойника поэта с биографическим автором становится особенностью последних стихотворений Слуцкого, оно обусловлено воспроизведением жизненных событий Слуцкого, обращениями к Тане (Татьяне Дашковской, жене поэта³³), внешней схожестью лирического героя с самим Слуцким («Рыжий, а впоследствии седой / ныне старый, бывший молодой, / не лишенный совести и чести» в стихотворении «Можно обойтись и без меня» (197?) и т.д. Как следствие – граница принципиального не отождествления лирического героя и биографического поэта

³¹ Уменьшительно-ласкательные суффиксы, а точнее морфемы субъективной оценки (такие как *-к-, -ок-*) несут функциональную нагрузку в художественной речи; они не служат для создания новых лексем, но, видоизменяя структуру слова, они становятся аффиксами, выражающими личное отношение субъекта к называемому предмету/лицу. Так, как отмечает Ю.О. Бронникова, суффиксы *-ек-/-ок-/-ик-* в существительных мужского рода (как в нашем случае в слове *черепок*) являются экспрессивно-уменьшительными и выражающими соответственное значение, зачастую являясь выразителями авторской иронии [3, 278].

³² Из Большого толкового словаря русского языка: «ВСЫПАТЬ <...> 1. что и чего во что. Ссыпать, насыпать куда-л. *В. муку в мешок. В. в молоко три ложки крупы* 2. кому за что. Разг. Сильно побить или отругать. *В. за озорство. <...> В. по первое число (строго наказать)*» [1].

³³ Перечислим только некоторые из множества строк позднего Слуцкого, посвященных/обращенных к жене: «Жена умирала и умерла – / в последний раз на меня поглядела» («Последний взгляд» (1977), «Я был кругом виноват, а Таня мне / все же нежно сказала: – Прости!..» («Я был кругом виноват...» (1977), «Каждое утро вставал и радовался, / как ты добра, как ты хороша...» («Каждое утро вставал и радовался...» (1977), «Жить до старости, до седины / жены обязаны и должны» («Мужья со своими делами, нервами...» (1977) и мн. др.

размывается, что обязывает воспринимать эти строки со всей причастностью к авторским переживаниям.

Важно также отметить, что мотивы поэтического «молчания», жизненного опустошения и чувственного омертвения будут повторяться во многих стихотворениях Слуцкого 1977 года, например, в «Слове на камне» («Стихла эта огромная нота. / Звучанье превратилось в молчанье. <...> Я <...> просто рядом стою, / солидарно зияю / с неоглядной, / межзвездной почти / пустотой, / сам отпетый, замолкший, поблекший, пустой»).

Однако при всей формосодержательной разработке мортальных мотивов Слуцким, связанных с «ситуацией прощания с любимым родным человеком» [6, 15], сопутствующей экзистенциальным осмыслением смерти, соотносить рассмотренный текст с жанром «последнего стихотворения» было бы некорректным, поскольку ведущий жанровый маркер – мотив предчувствия смерти – в нем, по нашему мнению, ослаблен. Но обращение к нему необходимо для аналитического прочтения собственно «последнего стихотворения» в творчестве поэта, о чем пойдет речь в следующих статьях.

1. Большой толковый словарь русского языка / общ. ред. С.А. Кузнецов. URL: [https://gramota.ru/poisk?query=всынать&mode=slovari&dicts\[\]=42](https://gramota.ru/poisk?query=всынать&mode=slovari&dicts[]=42) (дата обращения: 08.01.2024).
2. Борис Слуцкий. Стихи из тетрадей // Иерусалимский журнал. 2017. № 57–58. URL: <https://new.antho.net/wp/jj57-boris-sluczkij/> (дата обращения: 05.01.2024).
3. Бронникова Ю.О. Словообразовательные средства выражения оценки в русском языке // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2014. № 12–1. С. 276–279.
4. Бяльский И.А. От редактора // Иерусалимский журнал. 2017. № 57–58. URL: <https://new.antho.net/wp/jj57-igor-byalskij/> (дата обращения: 05.01.2024).
5. Горелик П.З., Елисеев Н.Л. По течению и против течения... Борис Слуцкий: жизнь и творчество. М., 2009.
6. Зырянов О.В. Феномен последнего стихотворения в формате лирической миниатюры // Феномен «последнего стихотворения»: теория и практика исследования: коллективная монография. Елец, 2022. С. 6–27.
7. Иванюк Б.П. «Последнее стихотворение»: жанрологическая заявка в формате словарной статьи // Феномен «последнего стихотворения»: теория и практика исследования: коллективная монография. Елец, 2022. С. 4–6.
8. Казак В. Лексикон русской литературы XX века: [пер. с нем.]. М., 1996.
9. Коробкова Е. Литературная сенсация. Найден утерянный архив поэта Бориса Слуцкого, автора строк «что-то физики в почете, что-то лирики в загоне» // Комсомольская правда. М. 2019. 15 мая. URL: <https://www.kp.ru/daily/26977.4/4035517/?ysclid=ltcg0m1pa502782717> (дата обращения: 05.01.2024).
10. Последнее стихотворение 100 русских поэтов XVIII–XX вв.: антология-монография / авт.-сост. Ю.В. Казарин. Екатеринбург, 2011.
11. Сапрыкина М.В. «На далекой звезде Венере...» Н. Гумилева в контексте понятия «последнего стихотворения» // Феномен «последнего стихотворения»: теория и практика исследования: коллективная монография. Елец, 2022. С. 89–98.
12. Сапрыкина М.В. «Последнее стихотворение»: жанрологический аспект // Русская литература в полилингвальном мире: вопросы аксиологии, поэтики и методики: Материалы III Международной научно-практической конференции, Москва, 25 февраля 2022 года / редкол.: Л.С. Меликсетян, А.В. Пашков, И.С. Леонов. М., 2023. С. 152–156.
13. Слуцкий Б.А. Собр. соч.: в 3 т. М., 1991. Т. 3. Стихотворения. 1972–1977 / сост. с науч. подгот. текста, коммент. Ю. Болдырева.
14. Сухарев Д. Для понимания Слуцкого нужны мягкие нравы и какой-никакой профессионализм // Борис Слуцкий: воспоминания современников / [вступ. ст., сост. П.З. Горелик]. СПб., 2005. С. 267–273.

15. Фаликов И.З. Борис Слуцкий. Майор и муза. (Главы из книги) // Дружба Народов. 2018. № 5. С. 176-201. URL: <https://magazines.gorky.media/druzhiba/2018/5/boris-sluczkij-major-i-muza.html> (дата обращения: 07.01.2024).
16. Фаликов И.З. Борис Слуцкий. Майор и муза. (Главы из книги. Окончание) // Дружба Народов. 2018. № 7. С. 156-205. URL: <https://magazines.gorky.media/druzhiba/2018/7/boris-sluczkij-major-i-muza-3.html> (дата обращения: 07.01.2024).